

Максим Лебедев*

От переводчика

«Спор о существовании мира» Ингардена – одна из наиболее фундаментальных работ XX века¹, оказывающая значительное влияние на современную философскую ситуацию, прежде всего во все более многочисленных проектах онтологической инженерии². Первый том – «Экзистенциальная онтология» – посвящен вопросу «Что такое существование?», а второй – «Формальная онтология» – вопросу «Какие вещи существуют?» Ингарден доказывает, что каждая сущность имеет три аспекта: содержательный, формальный и экзистенциальный. Соответственно, онтология как целое делится на материальную, формальную и экзистенциальную онтологию. Существование не является ни свойством, ни одним из материальных или формальных моментов объекта; это всегда существование *чего-то* и то, что существует, определяет своей сущностью способ явления, принадлежащий этому являющемуся. Способы явления составлены с экзистенциальными «моментами», среди которых Ингарден отличает следующие противоположные пары:

- экзистенциальная автономия – экзистенциальная гетерономия;
- экзистенциальная первичность – экзистенциальная производность;
- индивидуальность и самостоятельность (выражающиеся в том, что для своего существования объект не требует существования других объектов) – экзистенциальная несамостоятельность;
- самодетерминированность – экзистенциальная случайность.

---

* Об авторе: Лебедев Максим Владимирович, д. филос. н., проф., ведущий эксперт Центра по методологии искусственного интеллекта (НСМИИ РАН).

1 Например, по оценке Ю. Бохеньского: Bochenski I. M. *Contemporary European Philosophy*. – Berkeley – Los Angeles, 1956. – P. 130.

2 Ср. многочисленные работы Барри Смита.

Непротиворечивые комбинации этих и менее значимых экзистенциальных аспектов призваны конституировать основные модусы бытия, но их роль в построениях Ингардена заключается не только в этом. «Спор о существовании мира» предназначен не для разложения по полочкам фрагментов бытия в систематическом порядке. Его задача – гармонично ограничить описания различных способов бытия и их возможные интерпретации с целью сузить возможные решения противопоставления идеального реальному.

Соответственно, можно было бы ожидать, что третий том будет посвящен материальной онтологии. Публикатор Данута Геруланка рассказывает, что в 1946 видела у Ингардена следующий план третьего тома.

Книга II, ч. III. Материально-онтологические рассуждения

Раздел XVIII. Материально-онтологический вопрос мировости данного (нам) реального мира

§78. Вводные замечания

§79. Вопрос дискретной множественности предметов в пределах материального мира

(a) Вопрос ограничения индивидуального предмета

(b) Вопрос качественной (материальной) разности двух индивидуальных предметов

(c) Вопрос частичной закрытости и частичной открытости индивидуального предмета в пределах реального мира

(d) Вопрос изоляторов и роль пространства в отделении и закрытости предмета

(e) Вопрос о взаимном безразличии resp. возможности не взаимодействия (друг на друга) между α) бытийствующими во времени предметами и β) процессами. Роль катализаторов.

(f) Случай и его возможность в правильно упорядоченном мире.

(g) Эмпирическая возможность и условия ее осуществления в материальном мире. Открытие перспективы временности материального мира

§80. Вопрос связности (*Kohärenz*) реального мира

(a) Еще раз вопрос причинности

(b) Бытийная связь между бытийно независимыми (автономными) предметами

(с) Частично изолированные системы предметов и вопрос о взаимной бытийной зависимости индивидуальных предметов в пределах реального мира

(d) Густота причинных связей в материальном мире

§81. Вопрос о бытийной самодостаточности реального мира

(a) Принцип Гейзенберга и его возможные интерпретации

(b) Всесторонняя однозначная определенность индивидуальных материальных предметов

§82. Вопрос о бытийной вторичности материального мира и довод объективности времени как способа существования реальных предметов

§83. Вопрос единства (*Einheitlichkeit*) реального мира

(a) Физикалистская материя, физический организм и психический индивид (Обоснованно ли слоистое строение мира в смысле Гартмана?)

(b) Бытийная связь между телом и душой (Вопрос единства человека)

(с) Внутримировость струи сознания (некоторого) Я

§84. Вопрос переплетения «мира» духовного творчества с реальным миром. Действительность человека. Культура как составная часть реального мира.

Раздел XX. Отбрасывание трансценденталистского подхода к вопросу спора о существовании мира и новый подход к этому вопросу. Переход к метафизическим рассуждениям.

Этот план не был реализован. После войны в преподавательская и оргнагрузка Ингардена в Ягеллонском университете была очень высока. Помимо заведования кафедрой, он редактировал философский ежеквартальник Польской АН и вел расширенный конфераторий по эстетике с участием также деятелей и историков искусств. По мнению Геруланки, о выполнении такого подробного плана онтологических исследований в этот период «не могло быть и речи». Затем первая половина 1950-х стала периодом идеологического ужесточения: Ингардена лишили кафедры, отстранили от преподавания, не печатали. И он еще раз в жизни стал писать в стол. В 1950 дома у Владислава Татаркевича он сделал доклад «Пределы и расположение причинных связей в мире», из которого и развился настоящий т. III. По сообщению Геруланки, закончив первую польскую редакцию в 1954, Ингарден уничтожил ее и приступил ко второй, которую сначала писал по-немецки, чтобы обеспечить более широкую аудиторию. (Напомню, что с

первыми двумя томами такой проблемы не было – если до войны его рабочим языком был немецкий, то во время оккупации он стал писать по-польски.)

Третий том не стал «Материальной онтологией». Первый вариант, отданный Максусу Нимейеру, назывался *Das Kausalproblem* с подзаголовком «Из вводных исследований к Споры». Это формальная онтология, т. к. все рассуждения носят формально-онтологический характер, но, прежде всего, здесь предлагается оригинальный способ – рассматривается структура совокупности причинных связей в мире. Разработан аппарат, позволяющий ухватить разнородность причинных структур. Иными словами, этот том – обрамление «Спора», уточняющее формальную онтологию, раскрывающее отрицание трансценденталистского подхода и возвращающее центр внимания с эпистемологии вновь на онтологию, как в докантианский период. Фактически приоритетные для автора задачи оказались в принципе решаемы и без прописывания собственно материальной онтологии: как ни схоластически это прозвучит, но место материальности в этих построениях заняла каузальность. Было использовано и понятие неопределенности, при помощи которого было детализировано представление о материи в науке XX века.

Предлагаемые разделы достаточно полно характеризуют мягкий детерминизм Ингардена – в аналитических терминах, это скорее компатибилистская версия. В конечном счете это именно экзистенциальная онтология – в каузальных парах ничто не существует в себе, но друг для друга. Вводится понятие активного достаточного условия – такого, что коль скоро оно имеет место, то если оно в самом деле является достаточным, оно найдет определенное следствие, так как в ином случае оно не было бы достаточным условием³. Тем самым соблюдается принцип однозначного детерминирования следствия причиной, выглядящий здесь следующим образом:

Если какое-либо событие является причиной чего-либо и единожды уже появилось, то уже не существует никакого множества реальных возможностей. Существующее в данном случае до выступления причины множество возможностей становится при выступлении причины редуцировано к одной возможности, которая именно благодаря этому тут же актуализуется (§93 ad 2b).

3 Czarnik T. Przyczyna - przyczynowość // ed. by Nowak A. J., Sosnowski L. Słownik pojęć filozoficznych Romana Ingardena. – Kraków, 2001. – S. 238.

Ингарден заключает отсюда, что в реально существующих бытийно автономных вещах нет мест недоопределения – достаточно сильный тезис, сам по себе вполне, видимо, дискуссионный.

Понятие неопределенности, ставшее одним из ключевых в копенгагенской интерпретации квантовой механики, оказало огромное влияние на характер современных естественнонаучных представлений. Ингарден высказывает предположение о том, что на Гейзенберга оказала влияние идея Гуссерля о существовании некоторых неопределенностей в том, что дано в опыте как соответствие конечного множества опытов. Ингарден исходит из этого в своей третьей интерпретации неопределенности причинной связи, о которой идет речь в п. V §93. Далее, естественнонаучное понятие неопределенности находит более общее толкование в философии науки как представление о недостаточной определенности теории эмпирическими данными, наиболее известное как тезис Дюгема-Куайна, согласно которому теория не может быть логически доказана или отвергнута ссылкой на какой-либо корпус эмпирических свидетельств. Иначе эта интуиция формулируется (по разным основаниям) Витгенштейном и Гудменом как идея о том, что все правила научного вывода – независимо от того, индуктивный он или дедуктивный – настолько радикально расплывчаты, что им можно следовать многими взаимно несовместимыми способами. Это приводит к тому, что в англоязычной аналитической литературе наряду с «indeterminacy» появляется термин «underdeterminacy», а в польской, соответственно, наряду с «nieokreslennosz» – «niedookreslennosz» (или, чаще, «niedookreslenie»). Так, Станислав Лем в своей «Философии случая» (1987), анализируя немецкоязычную эстетику Ингардена с ее Гейзенберговым термином «Unbestintheitsstelle», всегда использует «niedookreslenie».

Текстологические изыскания здесь могут завести далеко; меня в этой ситуации привлекает то, что дистинкция «nieokreslennosz»/«niedookreslennosz» в польском тексте «Спора» – даже если полностью отнести ее на счет Геруланки, что маловероятно – весьма уместна в Ингарденовом анализе, где подчеркивается принципиально процессуальный характер определения. Идентификация, атрибуция характеристик – это всегда процесс. Это хорошо согласуется с конструктивистскими интуициями Гудмена («underdeterminacy»). Это онтологическая проекция базовой конструктивистской идеи, которую, например, романтически выразил еще один замечательный аналитик-конструктивист, Отто Нейрат, на заре своей аналитической карьеры, сидя

в тюрьме в 1918-19 гг.: «... мировоззрение – тоже действие; охватывая полноту всего, оно есть предвосхищение непредусмотренного усилия. В конечном итоге все наше мышление и чувство зависит от такой недоопределенности»⁴.

---

4 Neurath O. Anti-Spengler // Gesammelte philosophische und methodologische Schriften. – Wien, 1981. – S. 140.